

A close-up photograph of a glass filled with a golden-amber liquid, likely whiskey or brandy, surrounded by several large, clear ice cubes. The scene is set against a light blue background, possibly a sky or a surface. The glass and ice are the central focus, with the liquid's color contrasting with the clear ice and the blue background.

ФРАНК ВЕНЕКИНД

ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

Франк Ведекинд

Пробуждение весны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7239955

Аннотация

«Вендла: Зачем мне сделали такое длинное платье, мама?

Госпожа Бергман: Сегодня тебе исполнилось четырнадцать лет!

Вендла: Если бы я знала, что ты сделаешь мне такое длинное платье, так лучше мне не дожить до четырнадцати.

Госпожа Бергман: Платье не такое длинное, Вендла! Что ж делать? Я не виновата, что моя дочка растет и растет с каждой весной. Как же тебе, взрослой девушке, расхаживать в принцессе?...»

Содержание

Действие первое	5
Сцена первая	5
Сцена вторая	7
Сцена третья	16
Сцена четвертая	21
Сцена пятая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ведекинд Франк
Пробуждение весны
Детская трагедия

Перевод Федера под редакцией Федора Сологуба

* * *

Человеку в маске

Действие первое

Сцена первая

(Комната)

Вендла: Зачем мне сделали такое длинное платье, мама?

Госпожа Бергман: Сегодня тебе исполнилось четырнадцать лет!

Вендла: Если бы я знала, что ты сделаешь мне такое длинное платье, так лучше мне не дожить до четырнадцати.

Госпожа Бергман: Платье не такое длинное, Вендла! Что ж делать? Я не виновата, что моя дочка растет и растет с каждой весной. Как же тебе, взрослой девушке, расхаживать в принцессе?

Вендла: Во всяком случае, моя принцесса идет мне больше, чем этот халат. – Дай мне еще поносить ее, мама! Хоть одно только лето. В четырнадцать или в пятнадцать, эта хламида мне всегда будет впору. – Оставим ее до следующего дня моего рождения. Теперь я только буду наступать на оборку.

Госпожа Бергман: Не знаю, что и сказать. Я бы тебя, дитя, охотно оставила, как ты есть. Другие девочки в твоем возрасте бестолковые дылды. Ты совсем не такая. – Кто тебя знает, какую будешь ты, когда другие только начинают раз-

виваться.

Вендла: Кто знает – может быть, меня уже и на свете не будет.

Госпожа Бергман: Дитя, дитя! Откуда у тебя эти мысли!

Вендла: Ничего, милая мама, не горюй.

Госпожа Бергман: (целуя ее) Сокровище мое, ненаглядное!

Вендла: Они приходят ко мне по вечерам, когда я не сплю. И от них мне вовсе не грустно, и даже знаю, что потом лучше засну. – Грешно, мама, думать об этом?

Госпожа Бергман: Ну, иди и повесь хламиду в шкаф! Надевай себе с Богом свою принцессу! – Я как-нибудь при случае подошью тебе воланов пальца на четыре.

Вендла: (вешая платье в шкаф) Нет, уж лучше быть двадцатилетней!..

Госпожа Бергман: Если бы только тебе не было так холодно! – В свое время и это платьице было достаточно длинно, но...

Вендла: Теперь, когда наступает лето? – Ах, мама, ведь и у детей дифтерит из-под коленок не начинается. Поищи таких бедняг. В мои годы не зябнут, особенно в ногах. Мама, разве лучше, чтобы было очень жарко? Благодарю Бога, что твое сокровище не обрезало в одно утро рукава и не вышло к тебе на встречу, так без чулок и башмаков! Когда я буду носить мою хламиду, внизу я оденусь царицею эльфов... Не бранись, мамочка, этого никто не увидит.

Сцена вторая

(Воскресный вечер)

Мельхиор: По мне это слишком скучно. Я больше не играю.

Отто: Тогда и нам придется бросить. Ты приготовил уроки, Мельхиор?

Мельхиор: Да вы продолжайте!

Мориц: Куда ты идешь?

Мельхиор: Гулять.

Георг: Да уже смеркается!

Мельхиор: Почему мне нельзя гулять в темноте?

Эрнест: Центральная Америка! – Людовик XV! – Шестьдесят стихов из Гомера! – Семь уравнений!

Мельхиор: Проклятые уроки!

Георг: Хотя бы завтра не было латинского сочинения.

Мориц: О чем ни вспомнишь, а все в голову лезут уроки.

Отто: Я пойду домой.

Георг: И я, готовить уроки.

Эрнест: И я, и я.

Роберт: Покойной ночи, Мельхиор.

Мельхиор: Приятного сна.

(Все, кроме Морица и Мельхиора, уходят)

Мельхиор: Хотел бы я знать, для чего, в конце концов, мы живем на свете!

Мориц: Лучше бы мне клячей быть, дрожки таскать, чем в школу ходить. Для чего мы ходим в школу? – Мы ходим в школу для того, чтобы нас экзаменовали, – а для чего нас экзаменуют? Чтобы мы провалились. Ведь семеро должно провалиться уже потому, что в следующем классе может поместиться всего шестьдесят человек. – Мне так не по себе, с Рождества... Чорт возьми! Если б не отец, я сегодня же связал свой узелок и отправился бы в Альтонз!

Мельхиор: Поговорим о чем-нибудь другом.

(Они прохаживаются)

Мориц: Видишь там черную кошку с задранным кверху хвостом?

Мельхиор: Ты веришь в приметы?

Мориц: Не знаю, наверно... Она оттуда пришла. Ничего нельзя сказать.

Мельхиор: Я думаю, это Харибда, в которую попадает всякий, кто вырвался из Сциллы религиозных убеждений. – Сядем здесь, под буком. Теплый ветер несется с гор. Хотел бы я теперь быть наверху, в лесу, молодой дриадою, всю долгую ночь, на самых вершинах колыхаться и качаться.

Мориц: Застегни курточку, Мельхиор!

Мельхиор: Ух, раздувает одежду!

Мориц: Как темно! – руки перед самым носом не вижу. Ты где?.. А ты не думаешь, Мельхиор, что стыдливость в человеке – только следствие воспитания?

Мельхиор: Вот об этом я думал третьего дня. Мне кажет-

ся, что стыдливость очень глубоко внедрилась в человеческую натуру. Представь себе, что ты должен совсем раздеться перед своим лучшим другом. Ты этого не сделаешь, если и он не станет делать то же самое. — К тому же, это более или менее дело моды.

Мориц: Я уже думал, когда у меня будут дети, мальчики и девочки, я заставлю их спать в одной и той же комнате, если можно, на одной кровати; чтобы утром и вечером, одеваясь и раздеваясь, они помогали друг другу; в теплое время все они, и мальчики и девочки, буду у меня носить только короткую тунику из белой шерсти, подпоясанную кожаным ремнем. Мне кажется, что если они так вырастут, то они потом будут спокойнее, чем мы.

Мельхиор: Да, я уверен в этом, Мориц. Но вот вопрос, если у девочек будут дети, что тогда?

Мориц: Как будут дети?

Мельхиор: В этом отношении я верю в известный инстинкт. Я думаю, что, если, например, кота и кошку запереть вместе и держать их без сношения с внешним миром, т. е. совершенно предоставить их собственным влечениям, — я думаю, что рано или поздно кошка родит. Хотя ни она, ни кот не видели примера, который открыл бы им глаза.

Мориц: У животных это, конечно, должно получиться само собой.

Мельхиор: У людей, я думаю, тем более. Послушай, Мориц, когда твои мальчики спят на одной постели с девочками,

ми, и в них возникают первые половые возбуждения — я с кем угодно готов держать пари...

Мориц: Пусть в этом ты прав. Но, во всяком случае...

Мельхиор: У твоих девочек в соответствующем возрасте было бы так же! Не от того, что именно девочки. Конечно, наверное сказать нельзя... во всяком случае можно предположить... И любопытство не замедлило бы сделать свое дело.

Мориц: Кстати, один вопрос.

Мельхиор: Ну?

Мориц: А ты ответишь?

Мельхиор: Конечно!

Мориц: Правду?

Мельхиор: Вот тебе моя рука. Ну, Мориц?

Мориц: Ты уже написал сочинение?

Мельхиор: Да говори, не стесняйся. Ведь здесь никто не видит и не слышит нас.

Мориц: Само собою разумеется, мои дети целыми днями должны были бы работать во дворе или в саду или развлекаться играми, связанными с телесным напряжением. Они должны были бы ездить верхом, делать гимнастику, лазать, и, главное, не спать в таких мягких постелях, как мы. Мы ужасно изнежены. — Я думаю, что совсем ничего не увидишь во сне, если спать на жестком.

Мельхиор: Теперь я буду спать всегда, вплоть до сбора винограда, в моем гамаке. Я задвину мою кровать за печку. Она складная. — Прошлой зимой мне приснилось, я так долго

хлестал нашего Лоло, что он не мог пошевелиться. Это было самое страшное из всего, что мне когда-нибудь снилось. Что ты так странно смотришь на меня?

Мориц: Ты уже испытывал?

Мельхиор: Что?

Мориц: Как ты это называешь?

Мельхиор: Половое возбуждение?

Мориц: М-гм.

Мельхиор: Да.

Мориц: И я.

Мельхиор: Уже давно. Скоро год.

Мориц: Меня точно молния опалила.

Мельхиор: Ты видел во сне?

Мориц: Да, но совсем немного. Ноги в небесно-голубом трико. Они вздымались над кафедрой. Точнее сказать, мне показалось, что они перепрыгивали туда. Я видел их мельком.

Мельхиор: Георгу Циршницу снилась его мать...

Мориц: Он тебе это рассказывал?

Мельхиор: Там, на Гальгенштеге!

Мориц: Если бы ты знал, что я перенес с той ночи!

Мельхиор: Угрызения совести?

Мориц: Угрызения совести? Смертная тоска!

Мельхиор: Господи Боже!

Мориц: Я считал себя погибшим. Мне казалось, что я страдаю какою-то внутренней порчею. Наконец я успокоил-

ся только тем, что стал записывать свои впечатления. Да, да, милый Мельхиор, последние три недели были для меня, как Гефсиманская ночь.

Мельхиор: В свое время я более или менее ожидал этого.

Мориц: И при том, ты почти на целый год моложе меня!

Мельхиор: Ну об этом, Мориц, я и не подумал бы. По моим наблюдениям нет определенного возраста для того, чтобы впервые всплыл это фантом. Ты знаешь большого Лермейера с соломенно-желтыми волосами и с длинным носом? На три года старше меня. Гансик Рилов говорит, что ему до сих пор снятся только песочные пирожные и абрикосовое желе.

Мориц: Скажи, пожалуйста, как может Гансик Рилов судить об этом!

Мельхиор: Он его спросил.

Мориц: Он его спросил? – Я никогда не решился бы спросить кого бы то ни было.

Мельхиор: Да ведь меня спросил же.

Мориц: Ну, да! – Может быть, Гансик уже написал свое завещание. Право, странную игру затеяли с нами. И за это мы должны еще благодарить. Я не помню, чтобы когда-нибудь скучал по возбуждениям этого рода. Почему не дали мне спать спокойно, пока все не затихло бы? Мои милые родители могли бы иметь сотню детей получше. Но я появился, не знаю как, и должен отвечать за то, что и я здесь. – А ты, Мельхиор, не думал о том, каким собственно способом и мы затесались в эту толчею?

Мельхиор: Как, ты еще этого не знаешь, Мориц?

Мориц: Откуда мне знать? – Я вижу, что куры кладут яйца, я слышу, что будто бы моя мать носила меня под сердцем, но разве этого достаточно? Я вспоминаю, что уже пятилетним ребенком смущался, когда кто-нибудь открывал декольтированную червонную даму. Это чувство исчезло. И все-таки теперь я не могу говорить ни с одной девочкой, не думая при этом о чем-то отвратительном и, клянусь тебе, Мельхиор, не знаю о чем.

Мельхиор: Я скажу тебе все. – Я знаю это частью из книг, частью по иллюстрациям, частью по наблюдениям. Ты будешь ошеломлен: я в свое время стал атеистом. Я и Георгу Циршницу рассказал это! Георг Циршниц хотел рассказать Гансику Рилову, но Гансик Риллов научился всему еще ребенком у своей гувернантки.

Мориц: Я просмотрел Малый Мейер от А до Z. Слова, – ничего кроме слов и слов! Ни одного прямого объяснения! На что мне Энциклопедия, которая не отвечает на ближайшие жизненные вопросы?

Мельхиор: Ты видел когда-нибудь, как по улице бегут две собаки?

Мориц: Нет! Лучше не говори мне сегодня ничего, Мельхиор. У меня еще Центральная Америка и Людовик XV. Да еще шестьдесят стихов из Гомера, семь уравнений и латинское сочинение. Иначе мне и завтра придется на всем нарезать. Для того, чтобы с успехом зубрить, мне надо быть ту-

пым, как баран.

Мельхиор: Пойдем ко мне. В три четверти часа я пройду Гомера, решу уравнения, напишу два сочинения. В твоём я сделаю несколько невинных ошибок и дело в шляпе. Мама приготовит нам лимонад, и мы поболтаем мирно о размножении.

Мориц: Не могу мирно болтать о размножении. Если хочешь сделать мне одолжение, дай мне все это написанным. Напиши мне все, что ты знаешь. Напиши как можно короче и яснее, и завтра, во время гимнастики, всунь записку в мои книги. Я унесу ее домой, не зная, что она лежит там. Когда-нибудь я невзначай найду ее. Не могу удержаться и не прочитать ее утомленными глазами... Если это необходимо, ты можешь сделать на полях рисунки.

Мельхиор: Ты, как девушка. Впрочем, как хочешь. Для меня это очень интересная работа. Один вопрос, Мориц.

Мориц: Ну?

Мельхиор: Ты видел когда-нибудь девушку?

Мориц: Да!

Мельхиор: И совсем?

Мориц: Совершенно.

Мельхиор: Я тоже. Тогда иллюстрации не нужны.

Мориц: Во время праздника стрелков в анатомическом музее Мейлиха! Если бы это открылось, меня выгнали бы из школы. Прекрасна, как день, и ах, как похожа на живую!

Мельхиор: Нынче летом я был с мамой во Франкфурте. —

Ты уже уходишь, Мориц?

Мориц: Готовить уроки. – Спокойной ночи.

Мельхиор: До свидания.

Сцена третья

(Теа, Вендла и Марта под руку идут по улице)

Марта: Как вода набирается в башмаки!

Вендла: Как ветер щиплет щеки!

Теа: Как сердце бьется!

Вендла: Пойдем к мосту! Ильза говорила, что по реке плывут кусты и деревья. Мальчики сделали плот. Мельхиор Габор, кажется, вчера вечером чуть не утонул.

Теа: О, он умеет плавать!

Марта: Еще бы!

Вендла: Если бы он не умел плавать, он наверняка утонул бы!

Теа: У тебя коса распускается, Марта, у тебя коса распускается!

Марта: Фу, – пусть распускается! Она злит меня и днем и ночью. С короткими волосами ходить, как ты, мне нельзя, с распущенными косами ходить, как Вендла, мне нельзя, подстричь их на лбу мне нельзя, даже и дома мне приходится делать прическу, – и все из-за теток.

Вендла: Завтра я принесу на Закон Божий ножницы. Пока ты будешь отвечать "Заповедь блаженства" я отрежу тебе волосы.

Марта: Ради Бога, Вендла! Папа избьет меня жестоко, а мама на три ночи запрет меня в чулан.

Вендла: Чем он бьет тебя, Марта?

Марта: Часто мне кажется, что им чего-то не хватало бы, если бы у них не было такой избалованной шалуны, как я.

Теа: Полно, милая!

Марта: А тебе тоже нельзя было продернуть в рубашку голубую ленту?

Теа: Розовый атлас! Мама уверена, что к моим черным глазам больше всего идет розовое.

Марта: Мне удивительно шло голубое. – Мама стащила меня за косу с кровати. Так, – я упала на пол руками. – Мама каждый вечер молится с нами.

Вендла: На твоём месте я давно убежала бы от них.

Марта: Тогда бы они поняли. Что я теперь терплю! Тогда бы они поняли! Она еще увидит, – о, она еще увидит! – Моей матери, впрочем, я не должна делать упреков.

Теа: Ну, ну!

Марта: Можешь ли ты представить себе, Теа, что думала тогда моя мама?

Теа: Я – нет. А ты, Вендла?

Вендла: Я просто бы спросила ее.

Марта: Я лежала на полу и кричала, и выла. Тогда вошел папа. Трах! рубашка долой. Я – в дверь! Тогда бы они узнали! – Я хотела выбежать так на улицу.

Вендла: Но ведь это неправда, Марта!

Марта: Мне было холодно. Я вернулась. Всю ночь мне пришлось спать в мешке.

Теа: Спать в мешке я никогда не смогла бы.

Вендла: А я охотно поспала бы за тебя разик в твоём мешке.

Теа: Но ведь в нём можно задохнуться?

Марта: Голова остаётся наружу. Завязывают под подбородком.

Теа: И тогда тебя бьют?

Марта: Нет. Только если что-нибудь особенное случится.

Вендла: Чем тебя бьют, Марта?

Марта: Да что, – чем попало. – Твоя мама тоже считает неприличным есть хлеб в постели?

Вендла: Нет, нет.

Марта: Я думаю, что они мне все-таки рады, хоть и не говорят об этом. Когда у меня будут дети, они будут расти, как сорная трава в нашем саду. О ней никому нет печали, а она такая высокая и густая, между тем, как розы в клумбах у своих палочек каждый год цветут такие жалкие.

Теа: Когда у меня будут дети, я одену их во все розовое. Розовые шляпы, розовые платья, розовые башмаки. Только чулки – чулки черные, как ночь! Когда я пойду гулять, я пушу их маршировать передо мною. – А ты, Вендла?

Вендла: Разве вы знаете, что у вас будут дети?

Теа: А почему им у нас не быть?

Марта: Вот тети Ефимии их нет.

Теа: Глупая, ведь она не замужем.

Вендла: Тетя Бауер три раза была замужем и не имеет ни

одного ребенка.

Марта: Если у тебя будут дети, Вендла, кого ты хотела бы, мальчиков или девочек?

Вендла: Мальчиков, мальчиков!

Теа: И я мальчиков!

Марта: И я. Лучше двадцать мальчиков, чем три девочки.

Теа: Девочки несносные!

Марта: Если бы я уже не была девочкой, то сама ею не захотела бы стать.

Вендла: По-моему, это дело вкуса, Марта. Я каждый день радуюсь, что я девочка. Поверь, что я не поменялась бы и с королевским сыном. – А все-таки я хотела бы иметь только мальчиков!

Теа: Да ведь это глупость, Вендла!

Вендла: Ну пожалуйста, все-таки в тысячу раз лучше быть любимой мужчиной, чем девушкой!

Теа: Но ведь ты не будешь настаивать, будто бы лесничий Пфеле любит Мелиту больше, чем она его?

Вендла: Нет, больше, Теа! Пфеле горд, Пфеле гордится тем, что он лесничий, – ведь у него ничего нет. – Мелита рада тем, что она получает в десять тысяч раз больше, чем она сама стоит.

Марта: Разве ты не гордишься собою, Вендла?

Вендла: Это было бы глупо.

Марта: Как гордилась бы я на твоем месте!

Теа: Посмотри, Марта, как она идет, – как прямо смот-

рит, – как держится! – Уж если это не гордость...

Вендла: Ну так что же! Я так счастлива, что я – девочка; если бы я не была девочкой, я сейчас же покончила бы с собою.

(Мельхиор проходит мимо и здоровается).

Теа: У него удивительная голова.

Марта: Таким я представляю себе молодого Александра, когда он ходил в школу к Аристотелю.

Теа: Боже ты мой, греческая история! Я только и знаю, как Сократ лежал в бочке, когда Александр продавал ему ослиную тень.

Вендла: Он, кажется, третий ученик в классе.

Теа: Профессор Кнохенбург говорил, что он мог бы быть первым, если бы захотел.

Марта: У него красивый лоб, а у его друга взгляд задумчивее.

Теа: Мориц Штифель? – Вот ночной колпак.

Марта: Я всегда очень хорошо проводила с ним время.

Теа: С ним всегда только осрамишься. На детском балу у Рилова он предложил мне пралине. И представь себе, Вендла, – они были мягкие и теплые. Разве это не?... – Он сказал, что долго держал их в кармане!

Вендла: Представь, Мельхи Габор сказал мне тогда, что он ни во что не верит, – ни в Бога, ни в тот свет, – решительно ни во что!

Сцена четвертая

(Сад перед гимназией. – Мельхиор, Отто, Георг, Роберт, Гансик Рилов, Лемермейер).

Мельхиор: Не может ли кто-нибудь из вас сказать мне, куда девался Мориц Штифель?

Георг: Ему достанется! Ой, как ему достанется!

Отто: Он добьется того, что уж вляпается как следует.

Лемермейер: Чорт возьми, в этот момент я бы не хотел быть в его шкуре!

Роберт: Вот наглость! – Такое бесстыдство!

Мельхиор: Что, что? Что же вы знаете?

Георг: Что мы знаем? Ну я тебе скажу.

Лемермейер: Я не сказал бы.

Отто: Я тоже. Право нет.

Мельхиор: Если вы сейчас же...

Роберт: Коротко сказать, Мориц Штифель забрался в учительскую.

Мельхиор: В учительскую?

Отто: В учительскую. Сразу после латинского.

Георг: Он был последним; нарочно остался.

Лемермейер: Когда я шел по коридору, я видел, как он открывал дверь.

Мельхиор: Чтоб тебя!..

Лемермейер: Как бы его чорт не побрал!

Георг: Вероятно, ректор не вынул ключа.

Роберт: Или, может быть, Мориц Штифель принес отмычку.

Отто: От него этого можно ждать.

Лемермейер: Еще хорошо будет, если ему только придется остаться на воскресенье.

Роберт: Да еще замечание в свидетельство.

Отто: С такими отметками как бы и совсем не вылетел.

Гансик Рилов: Вот он.

Мельхиор: Бледный, как полотно!

(Мориц находится в крайнем возбуждении)

Лемермейер: Мориц, Мориц, что ты сделал!

Мориц: Ничего, – ничего.

Роберт: Ты дрожишь?

Мориц: От счастья, – от блаженства, – от сердечного веселья.

Отто: Тебя не поймали?

Мориц: Я перешел. – Мельхиор, – я перешел! – О, теперь хоть трава не расти! – Я перешел! – Кто бы мог подумать, что меня переведут! – Все еще в толк не возьму. Двадцать раз перечитывал это. – Но можно поверить, – о, Боже, – но это так! – Это так! Я перешел (Улыбаясь). Я не знаю, – мне так странно, – земля колеблется под ногами... Мельхиор, Мельхиор, если бы ты знал, что мне пришлось пережить!

Гансик Рилов: Поздравляю, Мориц. Радуйся, что отделался так легко.

Мориц: Ты и не знаешь, Гансик, ты и не догадываешься, что было поставлено на карту. Уже три недели я прокрадывался перед дверью, как перед адовой пастью. И вот сегодня вижу, – она приоткрыта. Я думаю, что если бы мне предложили миллион – ничто, о ничто не могло бы меня удержать. – Я в учительской, – я открываю журнал, – перелистываю, – нахожу, – и все это время... В дрожь бросает!

Мельхиор: Все это время?

Мориц: Все время дверь за стеною открыта настежь. – Как вышел, как сбежал по лестнице, – не знаю...

Гансик Рилов: И Эрнест Ребель тоже перешел?

Мориц: Конечно, Гансик, конечно! – Эрнест Ребель тоже перешел.

Роберт: Ну, так ты неверно прочитал. Не считая пары ослов, нас всех с тобою и Ребелем шестьдесят один; а в верхнем классе не может поместиться больше шестидесяти.

Мориц: Я прочитал совершенно верно. Эрнест Ребель также переведен, как и я, – оба, конечно, пока только условно. Только в первую четверть выяснится, кто из нас должен будет уступить место другому. – Бедняга Ребель! – Видит Бог! – Я уже не боюсь за себя. Для этого я заглянул уже слишком глубоко.

Отто: Держу пари на пять марок, что очистишь место ты.

Мориц: Да ведь у тебя ничего нет. Я не хочу тебя грабить. Господи Боже! Теперь-то я начну зубрить. – Вот когда я смогу сказать, – хотите верьте, хотите нет, теперь все равно –

я знаю, что это так: если бы меня не перевели, я бы застрелился.

Роберт: Хвастун!

Георг: Заячья душа!

Отто: Хотел бы я посмотреть, как ты стреляешь!

Лемермейер: За это пощечину!

Мельхиор (дает ему ее): Идем, Мориц. Пойдем к лесной сторожке.

Георг: Ты веришь его болтовне?

Мельхиор: Тебе то что! – Пусть они болтают, Мориц. Скорее, скорее же из этого города.

(Профессор Гунтергурт и Кнохенбурх проходят мимо).

Кнохенбурх: Для меня непостижимо, уважаемый коллега, как лучший из моих учеников может чувствовать влечение к самому плохому.

Гунтергурт: И для меня так же, уважаемый коллега.

Сцена пятая

(Солнечный день. – Мельхиор и Вендла встречаются в лесу).

Мельхиор: Никак это ты, Вендла? – Что ты здесь делаешь одна? Уже три часа я брожу по лесу вдоль и поперек, ни души не встретил, и вдруг ты выходишь ко мне навстречу из самой дикой чащи.

Вендла: Да, это я.

Мельхиор: Если бы я не знал, что ты Вендла Бергман, я принял бы тебя за Дриаду, упавшую с ветвей.

Вендла: Нет, нет, я Вендла Бергман. – А ты как попал сюда?

Мельхиор: Задумался, да и зашел.

Вендла: Я собираю пахучую смолку. Мама хочет делать майтранк, но в самую последнюю минуту пришла тетя Бауер, а она не любит подниматься в горы, – И вот я пошла одна.

Мельхиор: Ты уже набрала своей пахучей смолки?

Вендла: Полную корзину. Вон там, под буками, она растет сплошь, как клевер. Теперь я все смотрю, где же дорога. Кажется, заблудилась. Ты, может быть, знаешь который теперь час?

Мельхиор: Уже больше половины четвертого. – Когда тебя ждут?

Вендла: Я думала, что теперь позже. Я так долго лежала у

Золотого ручья во мху и мечтала. Время прошло для меня так быстро, – я боялась, что уже наступает вечер.

Мельхиор: Если тебя еще не ждут, давай полежим здесь немного. Там под дубом мое любимое местечко. Если откинешь голову к стволу и сквозь ветки уставишься в небо, то это гипнотизирует. – Почва еще теплая от утреннего солнца. – Уже давно я хотел кое о чем спросить тебя, Вендла.

Вендла: Но к пяти часам мне нужно быть дома.

Мельхиор: Мы пойдем тогда вместе. – Я возьму корзину, и мы пойдем прямо сквозь чащу; через десять минут мы будем уже на мосту! – Когда уляжешься так, опершись лбом на руку, приходят тогда такие странные мысли в голову.

(Оба ложатся под дубом).

Вендла: Что ты хотел спросить у меня, Мельхиор?

Мельхиор: Я слышал, что ты, Вендла, часто ходишь к бедным. Приносишь им еду, платье и деньги. Ты это делаешь по своему собственному желанию, или тебя мать посылает?

Вендла: По большей части меня посылает мать. Это бедные семьи поденщиков, с кучею детей. Часто отец без работы и они мерзнут и голодают. У нас в шкафах и комодах лежит немало такого, что уже больше не нужно. – А почему ты об этом заговорил?

Мельхиор: Ты идешь охотно или неохотно, когда твоя мать посылает тебя куда-нибудь?

Вендла: О, еще бы! Мне это страх как нравится! – Как это ты так спрашиваешь?

Мельхиор: А дети-замарашки, женщины больные, в квартирах такая грязь, мужчины тебя ненавидят за то, что ты не работаешь.

Вендла: Это не так, Мельхиор! А если и так, ну и пусть, и тем лучше!

Мельхиор: Как тем лучше, Вендла?

Вендла: Для меня тем лучше. Мне было бы еще больше радости, если бы я могла таким помочь.

Мельхиор: Значит, ты ходишь к бедным людям для собственного удовольствия.

Вендла: Я хожу к ним потому, что они бедные.

Мельхиор: А не будь в этом для тебя никакой радости, ты бы и не стала ходить?

Вендла: Что ж мне делать, если меня это радует!

Мельхиор: Да еще за это же ты и в рай попадешь! – Значит, верно все, что уже целый месяц не дает мне покоя! – Виноват ли скряга, если ему нет радости в том, чтобы ходить к больным и грязным детям!

Вендла: О, тебя-то, наверное, это очень радовало бы.

Мельхиор: И за это ему суждена вечная смерть! – Я напишу об этом сочинение и подам его пастору Кальбауху. Это из-за него. Что он нам мелет о блаженстве жертвы! Если он не сумеет мне ответить, не пойду больше на катехизис и подтвердироваться не стану.

Вендла: Ты хочешь огорчать твоих милых родителей. Конфирмироваться, от этого голова не отвалится. Если бы толь-

ко не наши ужасные белые платья и не ваши длинные панталоны, то это могло бы даже растрогать.

Мельхиор: Нет самопожертвований! Нет самоотречения! — Я вижу, как добрых радует их доброе сердце, я вижу, как злые трепещут и стонут. Я вижу тебя, Вендла Бергман, — твои кудри вьются и смеются, а мне грустно, как изгнаннику. — О чем ты мечтала, Вендла, когда лежала у Золотого ручья в траве?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.